

ОДНО ЖЕЛАНИЕ НА ДВОИХ

Грасиэла, герцогиня Отенберри, — дерзкая красавица испанских кровей. Она поступает так, как велит ей сердце, чем шокирует общество. Где это видано, чтобы порядочная женщина рискнула отправиться в известный лондонский клуб удовольствий и разврата? Всего на одну дикую ночь с незнакомцем, который сможет исполнить все ее тайные желания. Но страсть мимолетной связи — лишь маска, за которой Эла прячет глубокие чувства к лорду Стрикленду. Лорд также отчаянно жаждет любви этой безрассудной женщины. У них есть всего одна ночь и сладкое желание...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4537-2

9 786171 245372

Софи Джордан

Сладкое желание

Софи Джордан

*Сладкое
желание*

Sophie Jordan

*The
Scandal
of it All*

a Novel

Софи Джордан

*Сладкое
желание*

Роман

УДК 821.111(73)
Д42

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Avon”,
an imprint of “HarperCollins Publishers”

Переведено по изданию:
Jordan S. The Scandal of It All : A Novel / Sophie Jordan. —
New York : Avon Books, 2017. — 384 p.

Перевод с английского *Владислава Ковалива*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-4537-2
ISBN 978-0-06-246363-0 (англ.)

© Sharie Kohler, 2017
© Jon Paul, обложка, 2018
© Hemigo Ltd, издание на
русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2018

Посвящается моей тете Лоретте —
одной из первых героинь,
с которыми я когда-либо сталкивалась в своей жизни.
Твоя сила, энергия и заразительный смех
неизменно меня вдохновляют.

Дамы, облаченные в черное и чем-то похожие на ворон, ходили туда-сюда по комнате, прикладываясь к еде на своих малюсеньких тарелочках с такой же энергичностью, с какой они разглагольствовали о недавней кончине леди Вандерхолл, покоящейся теперь в обитом бархатом гробу, поставленном у дальней стены гостиной.

Помещение было полностью обтянуто черным сукном, скрывающим цветастые обои. Непроницаемая ткань покрывала и окна тоже, не давая дневному свету попадать внутрь помещения. На всех горизонтальных поверхностях стояли горящие свечи, из-за пляшущего пламени которых в этом полутемном помещении мелькали беспокойные тени. Завтра лишь близкие родственники и друзья будут сопровождать этот гроб в церковь на церемонию похорон, а пока что прийти и проститься с усопшей могли все желающие. Люди заходили и уходили, меняя при необходимости свечи. Помещение все время было освещено, и тело ни на минуту не оставалось в полном одиночестве.

— Так трагично, — сказала одна дама с похожим на клюв носом, слегка помахав своим бутербродом с ветчиной с таким категоричным видом, как будто именно она первой сделала подобное замечание по поводу этого печального события.

— Как, по-вашему, у ее дочерей останутся хоть какие-то воспоминания о ней? — спросила другая дама, окидывая взглядом комнату в поиске маленьких девочек.

— Сомневаюсь. Им ведь, насколько мне известно, лишь десять и восемь лет от роду. Они еще совсем малышки. Но это, конечно же, даже к лучшему.

Грасиэла, герцогиня Отенберри, допила остатки своего лимонада в надежде на то, что они изгонят кислый привкус у нее изо рта. Затем она посмотрела тоскливым взглядом в сторону двери, подумывая о том, что пора бы уже отсюда и уйти.

Это *к лучшему*, что они забудут свою мать? Тогда получится так, как будто ее никогда не было на свете, как будто она стала прахом, развеянным по ветру, и эти пустомели еще заявляют, что это будет *к лучшему*?! Она полагала, что они ошибаются. Что они абсолютно не правы.

Скончавшаяся недавно леди Вандерхолл была ее подругой. Подруг у Грасиэлы было очень мало, а потому она переживала эту утрату весьма болезненно.

Как только до нее донеслись слухи о неожиданной кончине Эванджелин в результате несчастного случая во время поездки верхом, Грасиэла отправилась из своего поместья — поместья Отенберри — в Лондон, чтобы почтить память умершей. При этом ей пришлось оставить в поместье свою дочь и падчерицу. Не было смысла тащить их в такую даль ради столь мрачного мероприятия, как похороны, тем более что с леди Вандерхолл они почти не были знакомы.

Как бы там ни было, ее дочь и падчерица остались в поместье. В это время года развлечений в Лондоне было очень и очень мало. Лепить в поместье снеговиков, съезжать на санках по склонам холмов и читать Байрона перед камином, прихлебывая какао, — такое времяпрепровождение было для ее девочек более привлекательным. По правде говоря, в данный момент оно казалось более привлекательным и для Грасиэлы. Находиться в этом доме становилось для нее попросту невыносимым. Она и так уже пришла в уныние из-за смерти подруги, а тут еще эти женщины, усугубляющие ее горе своими неуместными репликами.

Ей было почти нелегко находиться здесь, на этой церемонии прощания с бедняжкой Эванджелин. А ведь завтра, на похоронах, ей будет еще тяжелее...

— Скопище всякой швали.

Возле нее остановилась Мэри-Ребекка — пожалуй, единственная оставшаяся теперь у нее верная подруга.

Как и Грасиэла, леди Толбот была молодой вдовой, не пользующейся большим благоволением со стороны светского общества. Они здесь были чужачками с самого начала. Мэри-Ребекка была ирландкой, а Грасиэла приехала в Англию из Испании. Наверняка далеко не одна леди мысленно обвиняла их в том, что они «отняли» мужа у какой-нибудь более подходящей для него английской леди. Когда Грасиэла только приехала в Англию в возрасте каких-нибудь восемнадцати лет, она слышала, как люди тихонько шушукуются у нее за спиной, но и теперь, когда ей уже исполнилось тридцать пять, она по-прежнему слышала это шушуканье. В жизни всегда есть что-то такое, что никогда не меняется.

— О боже, они, как мне кажется, наслаждаются этим, — прошептала Мэри-Ребекка. — Несчастья других людей дают им возможность почувствовать себя лучше в их ничем не примечательной жизни.

Грасиэла покосилась на подругу и поднесла чашку к губам:

— Думаю, для сегодняшнего дня мы проявили по отношению к усопшей уже достаточно уважения.

— Совершенно верно. — Мэри-Ребекка кивнула в знак согласия и отвернулась. — Ну так что, уйдем отсюда?

Они направились к выходу из дома, провожаемые несколькими откровенно недоброжелательными взглядами.

— Наш дом сейчас в моем полном распоряжении, — сообщила Грасиэла, надевая перчатки в ожидании того, когда подадут ее карету и карету подруги. Выйдя на крыльцо, она стояла на ступенях и зябко куталась в свой плащ, отороченный горностаевым мехом. С сумрачного неба падали редкие снежинки. — Может, поедешь со мной и чем-нибудь подкрепишься? Мы вдвоем помянем Эванджелин, а затем ты можешь рассказать о том, как прошел твой недавний отдых с детьми. Мне хотелось бы об этом услышать.

— Дом в твоём полном распоряжении? Даже не верится! Когда я выезжала сегодня после полудня, мои мальчики дрались друг с другом деревянными мечами, а дочка устроила истерику из-за

того, что она не могла найти свою любимую китайскую шаль. — Мэри-Ребекка посмотрела вверх, на небо. — И виноватой в этом почему-то оказалась я.

Грасиэла хихикнула, прекрасно понимая, что такое частенько бывает в их жизни:

— Ну да, конечно.

— Так что я отнюдь не спешу возвращаться домой. Показывай, куда ехать, моя дорогая подружка.

Грасиэла, улыбаясь, позволила конюху помочь ей сесть в карету. Она, по правде говоря, и сама очень редко оказывалась дома в одиночестве. Ее дочь Клара и падчерица Энид всегда находились где-то рядом с ней. Впрочем, подобное положение вещей вполне устраивало Грасиэлу. Ей очень нравилось находиться в окружении своих родственников и друзей. Она с ужасом думала о том дне, когда ее дочь выйдет замуж и станет жить отдельно. Она, конечно же, хотела, чтобы Клара нашла свое счастье и вышла замуж за хорошего человека. Учитывая, что Кларе уже исполнилось четырнадцать лет, этот день наступит довольно скоро — как говорится, не успеешь и оглянуться.

Жизнь течет быстро. Грасиэла, казалось, всего лишь вчера бегала босиком по папиному винограднику, будучи обыкновенной девчонкой с растрепанными волосами, которая громко хихикала, играя в догонялки со своими родными и двоюродными сестрами и братьями. Теперь же она была почтенной герцогиней, матерью дочери-подростка.

Она боялась расставания не только с Кларой, ей не хотелось терять и Энид тоже, по которой она будет скучать. Правда, ее падчерица по всем принятым в обществе меркам уже была старой девой. Тем не менее Грасиэла полагала, что Энид когда-нибудь все-таки выйдет замуж. Она чувствовала, что у Энид есть настойчивое желание обзавестись своим собственным домом, мужем и детьми. Она замечала это желание в выражении глаз Энид, когда та узнавала, что другие девушки ее возраста выходят замуж и становятся матерями. Правда, падчерица Грасиэлы была упрямой и чрезмерно умной, с явной склонностью к тому, чтобы быть «синим чулком», и это отнюдь не было теми качествами, которые люди стремились найти в английской

невесте. Однако Грасиэла даже не сомневалась, что Энид в конце концов встретит джентльмена, которого эти ее качества вполне устроят.

И тогда она, Грасиэла, останется совсем одна. Будучи вдовой, она смирится со своим положением и будет наблюдать за сменой времен года в ожидании приезда к ней в гости кого-нибудь из родственников.

Приехав наконец-таки к своему городскому особняку, она сделала над собой усилие и отогнала унылые мысли, полагая, что они были вызваны общей мрачной атмосферой сегодняшнего дня. Без Клары и Энид дом показался ей очень тихим... и даже пустым, хотя в нем находилось два десятка слуг.

Грасиэла прошла вместе с Мэри-Ребеккой в гостиную. Там она сняла перчатки и, вызвав колокольчиком слугу, велела ему принести ее любимую мадеру — крепкое белое вино, изготовленное из винограда, собранного в тех землях, где когда-то находился виноградник ее отца. Именно когда-то, потому что теперь какой-то дальний родственник владел и этими землями, и титулом ее отца, однако всего лишь один глоток вина неизменно уносил Грасиэлу в дом ее детства, вызывая у нее связанные с ним приятные воспоминания.

Ко всему тому, что было в ее жизни до Отенберри. То есть до того, как ее жизнь стала... сплошным разочарованием.

Миссис Уэйкфилд, экономка, принесла графин вместе с пирожными и печеньем. Грасиэла и Мэри-Ребекка так много за один присест никогда не съели бы, но тем не менее они с жадностью набросились на еду.

— Благодарю вас, миссис Уэйкфилд. А то мне сегодня с утра как-то совсем не хотелось есть, — сказала Мэри-Ребекка, откусывая первый кусочек.

— Как ужасно то, что произошло с леди Вандерхолл!.. — вздохнула миссис Уэйкфилд. — Лично я никогда не стану ездить верхом на чем-либо четвероногом.

Мэри-Ребекка, пережевывая первый откушенный ею кусочек, восторженно заявила:

— Вы обязательно должны прислать рецепт этого лимонного печенья моей поварихе. Оно восхитительно!

— Я это обязательно сделаю, миледи. — Миссис Уэйкфилд, вежливо кивнув леди Толбот, направилась было к дверям, но затем вдруг остановилась и спросила, обращаясь к своей хозяйке:

— Вы сегодня вечером будете ужинать дома, ваша милость?

Ужин. Грасиэла едва не скривилась, мысленно представив себе, как она будет есть в одиночестве за огромным обеденным столом.

— Да. Но будет достаточно и того, что мне принесут ужин в мои покои. Благодарю вас, миссис Уэйкфилд.

Поужинать в одиночестве в своей комнате — да, так наверняка будет лучше.

Экономка кивнула и вышла из гостиной.

Съев еще несколько печений с лимонной глазурью, Мэри-Ребекка весьма небрежно откинулась на спинку кресла и положила руки на подлокотники.

— Какой ужасный день!

Грасиэла мрачно произнесла:

— Не могу поверить, что ее и в самом деле больше нет.

— Всего лишь месяц назад она говорила мне о том, что хочет поехать вместе со мной и детьми в Озерный край¹, пока еще не начались холода. — Мэри-Ребекка покачала головой и недовольно хмыкнула. — Никто, увы, не может знать, когда наступит его конец.

— Она была почти одного с нами возраста, — с грустью прошептала Грасиэла.

— Да, ей в ноябре исполнилось бы тридцать шесть.

У Грасиэлы появилось неприятное чувство: печенье вдруг стало ощущаться на ее языке как какая-нибудь грязь, — и она перестала жевать.

— Что случилось? — Мэри-Ребекка озабоченно посмотрела на подругу и, выпрямившись, протянула руку за еще одним печеньем.

Грасиэла пожала плечами, чувствуя в животе неприятный холодок.

— Я думала, она старше.

¹ Озерный край — горный регион в Англии, знаменитый своими живописными горными и озерными ландшафтами. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Эванджелин? Нет, она просто выглядела старше своих лет. Ее чертов муж подкинул ей годков.

Грасиэла облизала губы.

— Мне исполнится тридцать шесть в сентябре.

Получалось, что Грасиэла была старше Эванджелин. Старше ее бедной подруги, которая недавно умерла. Умерла, правда, совершенно неожиданно. Это был дурацкий несчастный случай, но все равно было как-то странно осознавать, что она умерла в таком возрасте.

— А-а, понятно. Думаю, ты будешь следующей.

Произнося эти слова, Мэри-Ребекка с напускным видом сочувственно кивнула.

— Ах ты!.. — Грасиэла бросила в подругу недоеденный кусочек печенья. Мэри-Ребекка вообще-то была падка на такие вот плохие шуточки. — Ничего себе заявленьице!

— Что? — Мэри-Ребекка стряхнула со своих юбок рассыпавшиеся по ним крошки. — Думаешь, мне это нравится хоть сколько-нибудь больше, чем тебе? Я вообще-то на два года старше тебя. Правда заключается в том, что такое может произойти с каждой из нас. Смерть не разбирается, что за человек перед ней. Эванджелин была очень даже энергичной, болтала и смеялась, и тут вдруг...

Она замолчала, но то, что она не договорила, казалось, тяжело повисло в воздухе между ними.

Грасиэла вздохнула.

Мэри-Ребекка, выдержав небольшую паузу, добавила:

— Это заставляет задуматься. Я, например, намереваюсь наслаждаться своей жизнью... Независимо от того, сколько ее у меня еще осталось.

Грасиэла уставилась на потрескивающее в камине пламя и некоторое время смотрела на него не моргая. Да уж, такие непредвиденные события, как смерть, действительно заставляют задуматься.

Вот уже десять лет, как она стала вдовой. Она прожила последние семнадцать лет в Англии — сначала как верная жена, а затем как заботливая мать и мачеха. Ничем другим она, как личность, вроде бы не выделялась.

Милая Клара, весьма энергичная девочка, очень быстро обрежет узы, связывающие ее с родительским домом, и отправится навстречу своему будущему. А значит, она, Грасиэла, скоро останется одна и будет видеть вокруг себя одни лишь стены. Выходить во второй раз замуж ей совсем не хотелось. Ей было вполне достаточно и одного замужества.

Когда кто-то упоминал о ее покойном муже, она неизменно цепляла на себя благоговейную маску. Насколько было известно окружающим, ей очень повезло в том, что она вышла замуж за герцога Отенберри, ныне уже покойного. Она поддерживала этот миф для своей дочери. И для своих пасынка и падчерицы. Она не стала бы марать память их отца правдой о том, как все было на самом деле. Она сохранит правду только для самой себя. Прошлое лучше похоронить, тем более что оно уже не имело никакого значения.

Ей, Грасиэле, нужно заботиться о своем настоящем и будущем.

Во всяком случае, до сегодняшнего дня это казалось ей вроде бы вполне достаточным. Более чем достаточным.

Сейчас же, когда она сидела здесь, рядом с Мэри-Ребеккой, и чувствовала, что смерть их подруги как бы нависает над ними, словно мрачная грозовая туча, ей вдруг показалось, что то, что имелось у нее в жизни, уже не является достаточным.

Внезапно она почувствовала пустоту и отчаянное желание получить что-то еще. Что-то еще *сейчас*. И еще больше — *завтра*.

— Мне, пожалуй, лучше прекратить есть, иначе я не влезу в то бесстыжее платье, в котором собираюсь отправиться сегодня вечером в «Содом».

Грасиэла слегка выпрямилась при упоминании этого клуба, имевшего дурную репутацию. Хотя сама она никогда не бывала под крышей столь сомнительного заведения, от Мэри-Ребекки ей было известно о том, что там происходит: подруга очень подробно рассказывала ей обо всех развратных удовольствиях, которые можно получить в «Содоме». На все вкусы. И темное, и светлое. И мимолетное, и более долговечное. И любовники, и незнакомцы. В общем, все, что хочешь, причем в одном месте. Конечно же, рассказы Мэри-Ребекки и заинтриговывали, и ужасали Грасиэлу в равной степени.

— Ты собираешься поехать в «Содом»? Сегодня вечером?

Мэри-Ребекка за последние годы уже бесчисленное количество раз приглашала Грасиэлу посетить вместе с ней этот клуб удовольствий. Грасиэла всегда отказывалась. Ведь ей уже довелось побывать в постели с мужчиной, своим супругом, и у нее не было потребности делить постель еще с одним.

— После такого дня, как сегодняшней, посещение «Содома» является еще более необходимым, чем когда-либо раньше. Оно напомнит мне о том, что я жива. — Мэри-Ребекка приподняла свою изящную бровь. — Ты, пожалуй, тоже нуждаешься в таком напоминании. Может, поедешь со мной?

Довольно быстро после того, как умер ее муж, Мэри-Ребекка завела себе первого любовника. Вообще-то ее брак с лордом Толбот был по любви. Мэри-Ребекка когда-то была обычной деревенской девушкой, с которой лорд Толбот познакомился, покупая чистокровных лошадей на ферме ее отца в Ирландии. Теперь она говорила, что, познав удовольствия супружеского ложа, уже больше не может жить без любовных ласк.

Грасиэла же такого о себе сказать не могла.

Ей, честно говоря, ее муж поначалу нравился. Он в ней тогда души не чаял. Он был симпатичным мужчиной, хотя и значительно старше ее. Тем не менее супружеское ложе не доставляло ей удовольствия. Оно принесло ей разочарование. И в этом отношении *она сама* стала разочарованием для своего супруга. Ничуть не стесняясь, он сказал ей об этом уже в их первую брачную ночь. «Исходя из того, что ты обладаешь горячим темпераментом, Грасиэла, я раньше полагал, что ты будешь в постели поинтереснее, чем ты оказалась на самом деле», — пробурчал он, поднявшись с постели. Надев халат, герцог подпоясал его резким движением и смерил ее таким взглядом, от которого Грасиэле стало не по себе. В ту ночь он оставил ее одну. В их брачную ночь. Одну. Ее, переставшую быть девушкой, в холодной постели, жаждущую утешения. Это была первая из многих ночей, когда она подавляла в себе разочарование и довольствовалась удовлетворением капризов своего мужа, относящегося к ней, как к своей собственности.

Открытое разочарование в ней со стороны Отенберри сделало ее скованной и несколько замкнутой. А еще отбило у нее желание

совершенствоваться в искусстве любви. Она знала, что ее муж довольствуется не одним лишь их брачным ложем. В последние годы их брака он проводил больше времени в постелях других женщин, чем в ее постели. Однако это уязвляло ее не очень сильно. В большей степени это было для нее даже облегчением. А еще Грасиэла осознала, что это являлось явным свидетельством плачевного состояния ее брака.

Возможно, пришло время наконец-таки сделать шаг вперед и выяснить, каково это — переспать с другим мужчиной. Думая, что это действие не может доставлять какого-либо удовольствия, она задавалась вопросом, почему же так много женщин проявляют к нему столь большой интерес?

Внезапно почувствовав сухость во рту, она слотнула.

— Мэри-Ребекка... Расскажи мне еще про «Содом». Как этот клуб выглядит внутри? — Грасиэла никогда не пыталась узнать об этом месте что-нибудь сверх того, что рассказывала ей о нем по своей инициативе Мэри-Ребекка (а рассказывала она вообще-то довольно много), но теперь ей вдруг стало интересно, ей захотелось узнать побольше... — Если туда зайти, это ведь еще не означает, что тебе *придется*...

— О-о нет! — Мэри-Ребекка поспешно замахала руками. — Твое присутствие само по себе отнюдь не обязывает тебя делать что-то зазорное. — Она захихикала. — Поверь мне, там полно тех, кто пришел просто поглазеть. А еще там полно тех, кто только пьет и играет в карты. Они не принимают участия ни в чем из того, что происходит на втором этаже. — Мэри-Ребекка подмигнула. — А жаль. Именно там и происходит все самое интересное.

— Хм, — только и произнесла Грасиэла, все еще не решаясь согласиться.

— Ты можешь зайти туда просто поиграть, наслаждаясь тем, как тебя пожирают взглядами... Никто не говорит, что ты должна с кем-то переспать. Нет ничего более волнующего и лестного, чем привлечение к себе мужского внимания. Даже если это всего лишь легкий флирт, он тешит самолюбие женщины и дает ей возможность почувствовать себя... живой.

Грасиэла, вздрогнув, осознала, что она уже много лет не чувствовала себя «живой». А может, и никогда не чувствовала. Ведь

между ней и ее мужем никогда не проскакивало даже искры настоящего чувства. Почти сразу же после того, как они поженились, она воздвигла вокруг себя оборонительные стены. Внешне она казалась счастливой, послушной женой. Однако внутри она ощущала пустоту, заставляя себя подавлять все свои желания, мечты о любви и страсти и жить реалиями.

Грасиэла посмотрела на подругу долгим задумчивым взглядом.

— Да уж... — прошептала она. — Было бы очень интересно почувствовать себя живой. Снова.

Она добавила последнее слово ради того, чтобы ее подруга вдруг не догадалась, насколько обделенной была в этом смысле она, Грасиэла. Мэри-Ребекка стала бы ее жалеть, если бы она узнала, что ее, Грасиэлы, сердце и тело были лишены всякого удовольствия не только в те годы, которые прошли после смерти ее мужа, но и в течение тех лет, когда она была замужем. А Грасиэле не хотелось, чтобы Мэри-Ребекка ее жалела.

— Мы можем надеть маски, — предложила Мэри-Ребекка и добавила: — Многие так делают.

Грасиэла насмешливо фыркнула:

— Это с моим-то акцентом? И моим цветом кожи? Они там сразу же поймут, что это я.

Она уже не раз слышала краем уха, как та или иная светская дама шептала другой светской даме, что она, Грасиэла, смуглая, как какая-нибудь крестьянка, работающая в поле. На этот счет у нее не имелось никаких иллюзий. Узнать ее было очень даже легко.

Мэри-Ребекка пожала плечами:

— Освещение там довольно тусклое. И кто сказал, что ты должна что-то говорить? — Она поиграла своими изящными бровями. — Ты сможешь сделать своим ртом нечто совсем другое. Если захочешь.

— Вы порочная женщина, леди Толбот. — Грасиэла укоризненно покачала головой и засмеялась. — Так что ты там говорила про легкий флирт?

— Если хочешь легкого флирта, то тебе придется что-то говорить. Придется общаться с гостями. — Она пожала плечами. — Вообще-то, переживать совсем не стоит. Ни чуточки. Если кто-то

и догадается, кто ты такая, то что из этого? Я хожу в клуб «Содом» уже годами, и все знают, что под вот этой маской — я. И никаких негативных последствий для меня не было. Мои дети никак не пострадали. Светские дамы смотрят на меня такими же взглядами, какими... какими они на меня всегда смотрели. Не имеет значения то, что я делаю в свое свободное время. Отношение ко мне никогда не изменится. Я всегда буду ирландской выскочкой, которая подцепила себе графа Толбота. Мы — вдовы, Эла. И поэтому нам дозволяется вести себя гораздо более раскованно. — Она наклонилась к подруге и схватила Грасиэлу за руку. — Прошло уже целых десять лет. Тебе давно пора найти для себя в жизни какие-то удовольствия. Время для этого пришло. — Мэри-Ребекка слегка сжала руку Грасиэлы, как будто хотела придать ей больше уверенности в себе. — Поживи немножко.

Поживи немножко.

Грасиэла опустила взгляд на свое черное траурное платье, и оно напомнило ей об Эванджелине — холодной и мертвой в ее гробу.

Она приподняла подбородок:

— В какое время мы отправимся туда?

— Что-то ты сегодня вечером аж присосался к бокалу, не так ли, Отенберри? Что, решил хорошенько напиться, да?

Граф Стрикленд уставился на своего давнишнего друга, сидящего по другую сторону стола.

— Возможно, — пробурчал герцог Отенберри, пожимая плечами. — А ты что, решил этого не делать?

Колин шумно вздохнул:

— Так ведь упоминались карты и женщины. Есть какая-то вероятность, что мы доберемся до них сегодня вечером?

Судя по скорости, с которой Отенберри поглощал бренди, он вскоре сможет добраться разве что до пола рядом со своим стулом, и тогда поднимать его и везти домой придется ему, Колину.

Ответом Отенберри было то, что он опять приложился к бокалу.

— Это все из-за твоего брата? Он тебя все еще раздражает?

Отенберри бросил недовольный взгляд на Колина.

— Сводного брата, — сердито сказал он. — Он мне не брат. И никогда не будет моим братом.

Колин медленно кивнул. «Раздражает» — это, пожалуй, еще слабо сказано.

— Вовсе он меня не раздражает, — продолжал Отенберри. — Мне, наверно, пришлось бы очень сильно на него разозлиться, чтобы он вдруг стал меня раздражать. — Он обхватил кончиками пальцев верхний край бокала. — Этот шотландский

ублюдок не вызывает у меня вообще никаких эмоций. Струан Маккензи для меня — ничто.

Произнеся эти слова, Отенберри сердито поджал губы.

Колин, хотя он и не поверил сейчас своему другу, решил попридержать язык и лишь коротко кивнул.

Незаконнорожденный сводный брат Отенберри сумел завоевать симпатии всех своих ближайших родственников и их близких знакомых, и было очевидно, что последняя из этой серии побед Струана Маккензи разозлила Отенберри, что бы он сейчас ни заявлял.

Еще бы, ведь Струан Маккензи завоевал симпатии даже Поппи Фейрчерч. Более того, он, можно сказать, похитил эту юную соблазнительную продавщицу буквально из-под носа у Отенберри. Не имело значения, что Отенберри даже и не знал, что они начали встречаться, поскольку он в то время находился в коме. Поппи теперь была замужем за Струаном Маккензи, и этот факт отнюдь не радовал Отенберри.

— Очень хорошо. Тебя ничто не раздражает. Однако настроение у тебя сейчас мрачное, и поэтому мне скучно с тобой.

Колин оставил своего друга в покое и, подняв глаза, окинул взглядом комнату. Если Отенберри пребывал в скверном настроении, это еще не означало, что весь вечер должен быть испорчен.

Хотя почти все люди их круга разъехались на зиму по своим поместьям, в клубе «Содом» сегодня вечером было полно народу. В зале, где сидели Отенберри и Стрикленд, ходили туда-сюда несколько очень легко одетых женщин — и в масках, и без. Их наряд явно не соответствовал установившейся холодной погоде. Женщины эти были разных типов и, пожалуй, запросто смогли бы вывести любого мужчину даже из самого мрачного настроения.

— Тебе нравятся рыжеволосые, — сказал Колин, чувствуя себя взрослым человеком, который пытается уговорить ребенка съесть свой ужин. — Как насчет вон той птички?

Он показал рукой на женщину, направляющуюся вверх по широкой лестнице к отдельным помещениям на втором этаже. Она шла, изящно и соблазнительно покачивая бедрами.

Отенберри, отнюдь не прельстившись, лишь пожал плечами.

— Тогда, может, поднимемся наверх? — предложил Колин, надеясь оторвать Отенберри от бутылки. — Возможно, мы найдем там что-нибудь такое, что тебя заинтересует.

С того самого момента, как Отенберри вышел из комы, он частенько пьянствовал. Колин не терял надежды отучить его от этой привычки.

— Давай, иди. Я присоединюсь к тебе, как только закончу со своей выпивкой.

Колин вздохнул, сомневаясь, что Отенберри и в самом деле покинет свое место за столом.

Покачав головой, он оставил Отенберри топить себя в бренди. Ему не хотелось больше быть свидетелем того, как его друг все больше погружается в трясину опьянения.

Он знал, что пребывание на волосок от смерти может очень сильно повлиять на человека. Маркус Отенберри, выйдя недавно из комы, обнаружил, что его мир изменился. Это вполне может повлиять на то, как мужчина будет воспринимать все, что его окружает. Колин решил дать своему другу возможность самому во всем разобраться. Кроме того, у него имелись и собственные проблемы, мысли о которых сегодня вечером снова и снова лезли ему в голову.

Он пообещал своей бабушке, что в ближайшие месяцы обзаведется невестой.

Его бабушка, эдакая старая карга, игнорировала внука в течение большей части прожитой им жизни, но недавно она пригласила Колина к себе в гости и сообщила ему, что он должен позаботиться о продолжении их рода. С этим он поспорить не мог. Время уже пришло. Ведь ему уже исполнилось двадцать девять лет.

Похоже, его холостяцкая жизнь подошла к своему концу. Он всегда считал необходимым блюсти супружескую верность, и это означало, что такие ночи, как сегодняшняя (то есть ночи, в которые он мог смело волочиться за женщинами легкого поведения), станут большой редкостью. Конечно же, он надеялся, что его жена будет достаточно привлекательной для того, чтобы супружеская верность не стала для него тяжким испытанием. Однако пока что он не встретил ни одной девушки, которая показалась

бы ему подходящей для него. Более того, он не испытывал в этом смысле даже и малейшей симпатии ни к одной из знакомых ему девушек. Правда, он еще и не пробовал искать что-то соответствующее его вкусам в салонах и гостиных, на светских приемах и балах надлежащего уровня. Он, наоборот, избегал мамочек, подыскивающих для своих дочек подходящую партию, и отдавал предпочтение игорным домам и таким клубам, как «Содом».

Конечно же, время приглядываться к подходящим молодым леди уже пришло. Или же, по крайней мере, прислушаться к наставлениям его бабушки, поскольку уж она-то уделяла много внимания таким вопросам. Она прислала ему список «кандидаток», которых изучила лично. Все они были из семей с безупречной репутацией. У всех у них матери были плодовитыми — а значит, будут плодовитыми и они. Это, как он узнал, было для его бабушки самым важным критерием.

Его мать умерла, когда рожала его, и бабушка презрительно обозвала ее «слабачкой». Сидя в кресле, эта старая дама, закутанная в кашемировые шали и окруженная своими кошками, заявила, что его покойная мать была «уж слишком хрупкой» и «совсем не плодовитой». Она выставила шишковатый палец по направлению к Колину и поучительно произнесла: «Твоему отцу следовало жениться на женщине покрепче. На такой, которая так легко бы не сломалась. А он, глупец, прельстился красотой. Но с тобой такого не произойдет, парень. Я об этом позабочусь. Ты будешь поумнее моего Чарльза. Ты женишься на крепкой и плодовитой девушке».

Хотя его бабушка говорила о его будущей невесте как о какой-нибудь свиноматке-рекордсменке, он не утруждал себя тем, чтобы возражать ей. Колин прекрасно понимал, что достигшую семидесятилетнего возраста женщину уже невозможно изменить.

Отец его умер, когда Колин был еще маленьким мальчиком, однако он все же помнил большую тень мужчины, который заходил в детскую комнату. Держа в руке бокал с алкоголем, импозантный граф тарасился на Колина своими покрасневшими глазами. «Ты похож на нее, малыш». Затем — с таким видом, как будто он уже не мог больше этого выдерживать, — отец поворачивался и уходил, оставляя Колина наедине со своей нянькой.

Вот и все, что Колин помнил о своем родителе. Кончина графа Стрикленда отнюдь не стала в жизни Колина трагическим событием. Как-то утром экономка сообщила мальчику, что его отец умер, а затем, даже не вздохнув, поинтересовалась, хочет ли Колин, чтобы ему в кашу положили мед.

Он и дальше проводил свою жизнь преимущественно в одиночестве до тех пор, пока его не отправили в школу и пока он не встретил там Отенберри. Близкие родственники Маркуса в каком-то смысле стали для Колина заменой его ближайшего окружения. Он вдруг почувствовал, что ему уже не так одиноко, как раньше.

Несмотря на то, что у него не было крепких семейных уз, он все-таки чувствовал себя обязанным продолжить род Стриклендов. А может, как раз именно поэтому он это и чувствовал. Из-за того, что он не имел близких родственников. У него не было *клана*, который можно было бы назвать своим. Ему хотелось, чтобы у него были дети... То есть чтобы у него были какие-то близкие родственники. У него ведь их никогда не было. Он провел бóльшую часть уже прожитой жизни в обществе представителей рода Отенберри. Все то время, которое он находился не в школе, его можно было найти среди них. Это было для него лучше, чем коротать время в опустевшей школе или же томиться от скуки в своем родовом поместье, где можно было пообщаться разве что со слугами.

Его имение уже больше не будет пустым после того, как он женится и наполнит его своими отпрысками. Эта мысль немного утешала его, ведь именно этого он тайно желал в душе. Ему хотелось, чтобы у него было с десяток детей, не меньше. Он усмехнулся. Его бабушка, вдовствующая графиня, пришла бы в восторг, если бы узнала о таких его надеждах. Чтобы обзавестись отпрысками, ему оставалось только одно — найти девушку, которая бы ему их нарожала.

Найти ее. Но не сегодня вечером. Сегодня вечером он не потратит уже больше и одной секунды на размышления о браке и о том, как бы обзавестись наследниками.

Колин поднялся по лестнице на второй этаж. Там было тише и темнее, чем на первом, и сама обстановка наводила на мысли об интимных встречах. У него таких встреч в «Содоме»

за последние годы было отнюдь не мало. Сегодняшний вечер казался ему идеальным для еще одной такой встречи.

Он заморгал, привыкая к полумраку, и пошел вдоль по коридору мимо открытых дверей, за которыми происходили всевозможные нескромные действия. Идя по коридору, он заходил в некоторые из комнат и затем выходил из них. Он, пожалуй, найдет ту рыжеволосую и уговорит ее спуститься к Отенберри, чтобы оторвать его от общения с бутылкой.

И тут он заметил ее.

Его внимание привлекло то, что она стояла абсолютно неподвижно и молчала, хотя все остальные вокруг нее разговаривали, смеялись и жестикулировали, перемещаясь по залу.

Он зашел в просторный салон. Лампы с красными абажурами окрашивали помещение в огненные оттенки, и это делало обстановку какой-то потусторонней. Здесь люди могли почти забыть, что они находятся в центре Лондона, и представить себе, что проводят время в каком-нибудь пристанище разврата где-то в Средиземноморье.

Дизайн салона был тщательно продуман. В каждом углу и вообще по всему периметру имелись ниши, обеспечивающие уединение тому, кто его жаждал. Из закрытых занавесками укромных местечек доносились негромкие крики и стоны.

Колин наклонил голову, всматриваясь в женщину, которая заинтересовала его, сквозь пространство окрашенного в огненные оттенки салона. В ее одиночестве было что-то странное. Она, как и многие другие находящиеся здесь женщины, была в маске. Ее платье было темно-красного цвета — как бургундское вино — и с большим вырезом, благодаря которому открывалась значительная часть ложбинки между грудями. Однако это никого бы не шокировало: для такого заведения, как это, она была одета довольно скромно.

Колин направился вглубь салона. Несколько парочек целовались и ласкали друг друга, сидя на диванах. Слышались смех и болтовня. Колин вдохнул запах похоти, интимной близости и необузданных желаний.

Сидя на диванчике в дальнем углу, какой-то мужчина орудовал рукой под юбками сидящей рядом с ним леди, доводя ее до

исступления. Несколько человек с похотливым видом наблюдали за ними. Один джентльмен, усевшись на стул, расстегнул брюки и стал массировать свой член, возбуждая его. Женщина тем временем дышала все более отрывисто и поднимала юбки все выше и выше, чтобы ее партнер мог засовывать свои пальцы в нее глубже и быстрее.

Колину все это было знакомо. Он уже наблюдал за подобными сценами раньше, но его никогда к ним сильно не тянуло. При интимной близости с женщиной он предпочитал, чтобы их двоих никто не видел. Ему не нравилось, когда кто-то глазеет на него и его партнершу и возбуждается от лицецерения их действий. Когда он был близок с женщиной, ему не хотелось, чтобы его что-то отвлекало.

Обычно, оказавшись в подобной ситуации, он отворачивался и шел своей дорогой, однако сейчас та женщина, которая стояла в углу, все еще вызывала у него любопытство. Она показалась ему похожей на кролика, которого парализовало при виде хищника. Колин криво усмехнулся: вообще-то эта женщина оказалась в помещении, буквально кишашем хищниками.

Ее щеки сильно покраснелись. Она явно видела такую сцену впервые, и его охватило какое-то странное чувство. Ему стало жаль незнакомку? Захотелось защитить ее? Как бы там ни было, он вдруг почувствовал нелепое желание схватить ее за руку, увести отсюда и отправить подальше от этого места на какой-нибудь карете до того, как на нее успеют наброситься местные «волки».

Покачав головой, он отвернулся. В конце концов, она взрослая женщина, которая наверняка знает, где находится и чего ей хочется. Никто не приходил в «Содом», не зная при этом, *что* его там ждет. Эта женщина наверняка не хотела, чтобы ее спасали, как бы сильно она ни краснела.

Затем он заметил двух мужчин, направляющихся к ней. Это были братья Ботсамы. Разница между ними по возрасту составляла лишь один год. Будучи внуками покойного архиепископа Кентерберийского, они были известны всему Лондону своими порочными наклонностями. От Колина не ускользнула ироничность данной ситуации. Ни один мужчина не позволял ни своей дочери, ни своей сестре даже приближаться к этим двум мерзавцам.

Колин учился вместе с ними в Итонском колледже и собственными глазами видел, как они себя ведут. Они были очень жестокими мальчиками и развлекались тем, что забивали насмерть птиц и мучили котов, пойманных ими где-нибудь в окрестностях колледжа. Однажды Колин вместе со своим другом Отенберри застал их с дочерью садовника. Они, стащив с девочки ее дамские панталончики, занимались тем, что лупили ее по заднице хлыстом. Он и Отенберри заставили братьев прекратить это, однако без драки не обошлось. С тех пор у Колина имелся шрам над бровью — след от удара камнем одного из братьев.

Судя по слухам, манера поведения братьев за прошедшие с тех пор годы ничуть не изменилась. Они по-прежнему представляли собой извращенных ублюдков, и ему не хотелось иметь с ними никаких дел.

Он невольно напрягся, увидев, что они подошли к незнакомке. Даже через маску он заметил, как расширились глаза женщины, когда они стали оттеснять ее к одной из ниш.

Он ругнулся себе под нос, понимая, что ей совсем не нужно оказаться в той нише наедине с ними, и не желая, чтобы незнакомку затащили туда, где ее никто не будет видеть и где ее крики о помощи можно заглушить.

Его руки невольно сжались в кулаки, когда оба брата и эта женщина исчезли в одном из затемненных уголков. Впрочем, он, наверное, принимает происходящее уж слишком близко к сердцу, подумал Колин. Ведь это не что-нибудь, а «Содом».

— Вот черт!.. — прошептал он и пошел вперед.

Глава 3

Некоторое время она наблюдала за самой низменной из всех сцен, которые ей когда-либо доводилось видеть, задаваясь мыслью о том, куда подевалась Мэри-Ребекка и как ей, Грасиэле, можно было бы отсюда выбраться. Но потом перед ней появились двое мужчин и стали предлагать ей заняться такими непристойностями, от упоминания которых ей обожгло уши, а в животе возникло тошнотворное ощущение.

— Что вы делаете? Уберите свои руки! — возмущенно сказала она.

Но ее слов никто не услышал. Эти двое мужчин оттеснили ее к дивану.

Они двигались согласованно — так, как будто совершали подобные действия уже очень много раз. Их руки бесцеремонно схватили ее. Повернув ее вокруг оси, они толкнули женщину лицом вперед к дивану, обращаясь с ней так, как будто она была какой-нибудь тряпичной куклой, которую можно небрежно швырять туда-сюда, не боясь ее повредить.

— Прекратите! — воскликнула она, когда они стали приподнимать края ее юбок.

Она потянулась рукой и ударила одного из них по пальцам. Затем, выгнув спину, она ударила ногой куда-то позади себя. Ее туфля на каблуке с силой на что-то натолкнулась. Она услышала, как один из этих мужчин ругнулся, и затем почувствовала боль в своей ноге.

Второй мужчина засмеялся:

— А она драчливая. Что ж, это будет интересно. Давно уже с такими не сталкивался.

— Хочешь подраться, да? — Сильная рука схватила и потянула Грасиэлу сзади за волосы, заставляя ее напрячь шею. Затем рука на мгновение ослабила хватку, и от этого ее голова резко дернулась вперед, так что заколки выскочили из волос и попадали на диван и на пол, а сами волосы упали волнами ей на плечи. — Ну давай, дерись. Нам это очень даже нравится.

Она не могла поверить, что с ней такое происходит.

Она всего лишь хотела провести сегодняшний вечер не дома и... и пожить немножко. Хотела почувствовать себя живой, а не такой, как ее несчастная подруга, которая лежала мертвой в гробу. Однако сейчас начало происходить нечто ужасное, и все, чего ей теперь хотелось, это оказаться в безопасности своего дома. Ей захотелось снова оказаться в своей гостиной, перед потрескивающим в камине пламенем, вместе с Кларой и Энид. А вот того, что сейчас происходит, ей совсем не нужно. Что угодно, но только не это. Тех прекрасных волнующих ощущений, которых ей в последнее время хотелось, похоже, попросту не существует. Существует нечто совсем иное.

Она стала отчаянно вырываться, но у нее ничего не получалось. Но тут вдруг рука, удерживающая ее сзади за волосы мертвой хваткой, выпустила ее. Грасиэла повернулась и, посмотрев назад, увидела какого-то третьего мужчину, который с силой оттащил одного из двух ее обидчиков прочь от нее. Тот, потеряв равновесие, упал на пол, а третий мужчина, которого она в полумраке ниши толком рассмотреть не могла, наступил своим сапогом ему на шею и тут же схватил второго ее обидчика за галстук.

Она, совершенно неподвижно лежа на диване, наблюдала за происходящим. Еще никогда в своей жизни ей не доводилось видеть, как дерутся мужчины.

— Ботсам, мне кажется, что ты и твой брат слышали, что эта леди не хочет с вами общаться. Я уверен, что вы сможете найти кого-нибудь, кто благосклонно отнесется к знакам внимания с вашей стороны. Это ведь «Содом», и... и вкусы у тех, кто сюда приходит, самые разные.

— Ты взял себе за привычку вмешиваться в наши дела, Стрикленд. Сначала в Итоне, теперь здесь. Ты что, выслеживаешь нас в Лондоне?

«Стрикленд?»

При упоминании знакомой фамилии у нее екнуло сердце. Она поняла, что спасена, пусть даже ей будет очень неловко встретиться с лордом Стриклендом в такой постыдной обстановке. Этот граф никогда не позволил бы, чтобы той или иной леди причинили вред. Он, друг ее пасынка, был таким порядочным джентльменом, какие только бывают на свете.

— Насколько помню, вас обоих сурово наказали за ваши бесчинства в Итоне, — между тем продолжал лорд Стрикленд. — Хочешь, чтобы это еще раз повторилось, Ботсам?

— Ты здесь один. Я на этот раз не вижу рядом с тобой Отенберри. Без твоего друга тебе не так-то просто будет справиться с нами. Один против двоих — это не самый лучший расклад.

— Да нет, Отенберри сейчас совсем недалеко. Я уверен, что он с радостью еще раз отмутузит вас, никчемных свиней.

Ее охватила паника, а сердце забилося так, что у нее застучало в ушах. Ее пасынок здесь?

«О-о нет».

Нельзя, чтобы он увидел ее здесь.

Граф, презрительно глядя на братьев, сказал:

— Но мне он сегодня вечером не понадобится. Я и сам вполне справлюсь.

Стрикленд еще сильнее надавил сапогом на шею мужчины, лежащего на полу, как бы подтверждая этим свою решительность. Мужчина вскрикнул и застонал.

— Ты ведь не хочешь, чтобы у вас с братом возникли проблемы, не так ли? Тебе известно, что миссис Банкрофт не потерпит никаких драк в этом заведении. Я уверен, что вам с братом не хотелось бы, чтобы вас сюда уже никогда не пускали. Никогда.

Последовала долгая пауза, в течение которой граф смотрел на мужчину, лежащего на полу. Грасиэла, затаив дыхание и держась рукой за горло, наблюдала за происходящим. Она пыталась предугадать, чем закончится это напряженное молчание.

Наконец тот, с кем разговаривал Стрикленд, прокашлялся.

— Ну ладно, сделаем так, как ты хочешь, — сказал он. — Здесь имеются и более податливые женщины. А вот эту мы оставим на твое попечение, — добавил он, ухмыляясь.

Стрикленд выпустил из пальцев галстук собеседника:

— Мудрое решение.

Расправляя свой измятый галстук, обидчик повернулся к женщине и посмотрел на нее таким взглядом, что она вдруг почувствовала себя грязью под его сапогом.

— Должен признаться, что в любом случае не испытываю большого влечения к темнокожим.

Она тяжело сглотнула. Это был уже не первый раз, когда она слышала подобное язвительное замечание по поводу цвета ее кожи. Ее темные волосы и глаза, а также отнюдь не молочно-белая кожа делали ее очень даже не похожей на других английских леди. Некоторые мужчины, правда, считали ее привлекательной, как, например, когда-то счел ее привлекательной — ныне уже покойный — муж. А вот другие почти даже не скрывали своего неприязненного отношения к ее внешности.

— Забирай ее себе, Стрикленд, — продолжал мужчина, поправляя свой галстук. Затем он показал на того, кто лежал на полу, и добавил: — Может, отпустишь моего брата?

Колин не стал делать этого сразу — он как будто над чем-то размышлял.

— Если я еще когда-либо увижу, что вы дурно обращаетесь с леди, я вас уже не отпущу, — наконец сказал он.

Затем он убрал ногу с горла мужчины, лежащего на полу, и тот быстро встал, держась рукой за шею. Бросив на Стрикленда злобный взгляд, он поспешно пошел прочь.

Его брат пошел вслед за ним, но неторопливым шагом.

Стрикленд и спасенная им женщина остались в нише одни.

Она почувствовала в ушах какой-то шелестящий шум. Ее сердце сильно заколотилось, как у голубки, которая отчаянно пытается подняться в воздух и улететь прочь. Не осознавая, что делает, она устремилась к своему спасителю и обняла его, крепко вцепившись пальцами одной руки в его плечо. Ее другая рука, оказавшись между их телами, опустилась на его грудь. Он был

сейчас для нее как бы знакомым островом посреди того темного моря, в котором она оказалась.

Он от удивления весь напрягся. Она уже открыла было рот, чтобы выразить свою благодарность и облегчение в связи с тем, что он появился как раз вовремя и спас ее от угрожавшего ей ужаса, но тут до нее донесся, перебивая ее, его голос:

— Был очень рад помочь вам, мисс...

Она снова вознамерилась было поблагодарить его и дать кое-какие объяснения, но затем резко закрыла рот.

В ее мозгу лихорадочно зароились мысли.

Он, похоже, не узнал ее. Ну да, не узнал. Она ведь в маске. И тут темно. Кроме того, она не произнесла еще ни слова.

Осознание этого нахлынуло на нее волной, и она снова почувствовала облегчение. Это было облегчение уже совсем другого рода, но все же облегчение. Он сразу бы узнал ее голос, если бы она заговорила. Поэтому женщине показалось вполне очевидным, что ей не следует ничего говорить. Да, она не должна этого делать. У нее ведь, получается, есть шанс выпутаться из этой ситуации, причем так, что ни лорд Стрикленд, ни ее пасынок не узнают, что она сдуру пришла сюда.

Она отстранилась от него, прикусив губу, как будто это могло не позволить ей что-либо сказать. Ее руки, все еще прижимающиеся к его груди, слегка задрожали. Он был крепким и сильным, а его грудь оказалась более широкой, чем она себе раньше представляла.

Она подняла взгляд и тут же почувствовала себя зачарованной его глазами. У него были красивейшие глаза. Преодолев их чары, она посмотрела поверх его плеча, опасаясь того, что внезапно может появиться ее пасынок.

— Они не вернутся, — заверил ее Колин, по-своему истолковавший ее обеспокоенность.

Подняв руки к ее плечам, он слегка сжал их, чтобы как-то подбодрить ее.

Она пристально посмотрела на него. Он думает, что она все еще боится тех двоих? Нет, он избавил ее от страха перед ними. Она слегка покачала головой. А вот от еще одного своего страха она избавится только в том случае, если сумеет вернуться в свой

дом в Лондоне и будет уверена, что о ее пребывании здесь, в «Содо-
ме», никто не узнал.

Он опустил взгляд, и его серебристые глаза стали всматри-
ваться в нее сквозь полумрак. Она всегда считала эти глаза не-
обыкновенными, всегда полагала, что они могут увидеть больше,
чем любые другие глаза, что они... видят все насквозь.

Ее пасынок был импульсивным и даже вспыльчивым. За про-
шедшие годы он далеко не один раз вызывал у нее серьезное
беспокойство. Она считала, что Колин действует на него сдержи-
вающе. Ведь Колин благоразумный, рассудительный и осмотри-
тельный. А значит, он хороший друг для Маркуса. Как раз такой
друг, в каком Маркус нуждается. Он также проявил себя сегодня
вечером как хороший человек по отношению и к ней самой, по-
скольку вмешался и спас ее, причем даже полагая, что она для
него — всего лишь незнакомка.

Он погладил ее по плечам:

— Пойдемте. Давайте я уведу вас отсюда.

Она не поняла, что он имел в виду, говоря «отсюда», — из
этого салона или из этого заведения. Как бы там ни было, она
позволила ему увести ее, потому что ей и в самом деле хотелось
поскорее покинуть это место. При этом ей не пришлось ничего
говорить, что было для нее очень даже кстати.

Молодой человек взял ее за руку и потянул за собой. Когда они
вышли в коридор, его ладонь скользнула вниз по ее руке. Ни
у него, ни у нее на руках не было перчаток. Его теплые пальцы
обхватили ее ладонь, и сердце у нее в груди забилося сильнее.

Прошла уже целая вечность с того времени, когда мужчина
держал ее руку в своей руке дольше нескольких секунд. Мужские
руки обычно прикасались к ее руке лишь для того, чтобы бы-
стренько помочь ей слезть с лошади или же сесть в карету. А вот
это прикосновение было совсем другим: оно было интимным
и как бы слегка собственническим.

Она украдкой покосилась на его профиль. На сильную линию
носа, на очертания квадратной челюсти. Она видела его так, как
она всегда его видела... Так, да не так. Он сейчас выглядел каким-
то другим. Здесь, в этой обстановке, лорд Стрикленд заставил ее
дышать чуточку быстрее.

Літературно-художнє видання

ДЖОРДАН Софі
Солодке бажання
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 25.09.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 7000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДЖОРДАН Софи
Сладкое желание
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 25.09.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 7000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Грасиела, герцогиня Отенберри, — зухвала красуня іспанської крові. Вона чинить так, як підказує їй серце, чим шокує спільноту. Де це бачено, щоб порядна жінка ризикнула вирушити до відомого лондонського клубу задоволень та розпустити? Лише на одну дику ніч з незнайомцем, який зможе вдовольнити всі її таємні бажання. Але пристрасть швидкоплинного зв'язку — лише маска, за якою Ела ховає глибокі почуття до лорда Стрікленда. Лорд також відчайдушно прагне кохання цієї шаленої жінки. У них є всього одна ніч і солодке бажання...

Джордан С.

Д42 Сладкое желание : роман / Софи Джордан ; пер. с англ. В. Ковалива. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 288 с.

ISBN 978-617-12-4537-2

ISBN 978-0-06-246363-0 (англ.)

Грасиела, герцогиня Отенберри, — дерзкая красавица испанских кровей. Она поступает так, как велит ей сердце, чем шокирует общество. Где это видано, чтобы порядочная женщина рискнула отправиться в известный лондонский клуб удовольствий и разврата? Всего на одну дику ночь с незнакомцем, который сможет исполнить все ее тайные желания. Но страсть мимолетной связи — лишь маска, за которой Эла прячет глубокие чувства к лорду Стрикленду. Лорд также отчаянно жаждет любви этой безрассудной женщины. У них есть всего одна ночь и сладкое желание...

УДК 821.111(73)

Поппи мечтает о той сказочной вечной любви, о которой пишут в книгах. И вот однажды она встречается его — мужчину своей мечты, романтического красавца, герцога Маркуса Отенберри. О нем мечтают все девушки, но только Поппи выпадает невероятный шанс стать его невестой, пусть даже благодаря маленькому обману... Теперь герцог целиком и полностью принадлежит ей. Между тем сводный брат Маркуса, Струан, начинает оказывать Поппи недвусмысленные знаки внимания. А мимолетный, но страстный поцелуй разжигает в сердце девушки огонь. Но как же герцог? Разве может Поппи разбить ему сердце?..